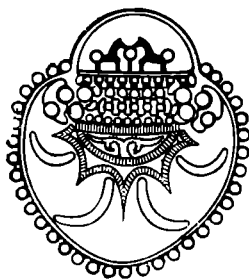

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

ДЕСЯТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

№ 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА — 1966

С. К. КАБАНОВ

К ИЗУЧЕНИЮ АГРАРНОГО СТРОЯ СОГДА В V — VI вв.

В средней части долины р. Кашка-Дарьи в 1955—1957 гг. велись археологические работы в зоне Чим-Курганского водохранилища¹. Район работ экспедиции находился в 65 км от Шахрисябза, расположенного в верхней части долины, и примерно на таком же расстоянии от Карши, находящегося в ее низовой части. В ходе работ были исследованы памятники, находившиеся в зоне орошения канала (арыка) Бердали (рис. 1). Почти на всех развалинах поселений были обнаружены наслоения V—VI вв. Таким образом, в пределах одной древней сельской округи исследован комплекс развалин поселений, различных по величине и топографическим признакам, но относящихся в определенных слоях к одному времени. Это позволило в данной статье рассмотреть поселения в свете общественных отношений в один из малоизученных периодов истории народов Средней Азии.

Долина р. Кашка-Дарьи в средней части — типичная степь, прорезаемая немногими горными потоками, вытекающими с Гиссарского хребта. Орошенные земли тянутся почти сплошной полосой лишь вдоль берегов Кашка-Дарьи. Водами канала Бердали орошали довольно узкую полосу нижних трех террас северного берега реки по крайней мере с первых веков до нашей эры. Ширина этой полосы до 2 км, длина — около 10 км по прямой; на этой площади выявлено восемь памятников с наслоениями V—VI вв., некоторые из них однослойные, целиком относящиеся к этому времени. Выявляется, таким образом, ряд поселений, обитатели которых были явно связаны общностью производственных интересов, поскольку их земли орошались водами одного канала. Перед нами — типичный и, надо полагать, простейший вид расселения в стране, где основой хозяйства являлось орошаемое земледелие.

Рассмотрение памятников начнем с наиболее исследованного из них — Аул-Тепе, находившегося в среднем течении канала Бердали на краю третьей террасы менее 1 км от реки. Предварительное сообщение об исследовании этого памятника уже опубликовано², однако и здесь необходимо в кратких чертах осветить основные его особенности как архитектурного сооружения, так же как и характерные признаки представленной им культуры.

Аул-Тепе (рис. 1, 7) являлось развалинами многокомнатного здания общей площадью 34 × 28 м. Организующим архитектурным элементом внутреннего пространства здания являлся обходной коридор длиной около 20 м, охватывающий центральные жилые помещения со всех сторон. Для планировки здания характерна симметричность в расположении помещений и чередование больших (4,2 × 4 м) и малых (2,5 × 2,2 м) комнат по внешнему обводу. Надо отметить, что из восьми больших помещений внешнего обвода только два разделены тонкой стенкой с проемом, тогда как в центральной части пять помещений разделены перегородками на две части, причем три из них — наглухо, с устройством новых дверных проемов.

¹ С. К. Кабанов. Археологические памятники зоны Чим-Курганского водохранилища. ИАН УзССР, сер. обществ. наук, 1957, 2, стр. 75, 76.

План нижнего этажа был восстановлен полностью. Наличие в центре здания лестничной клетки с пандусом, ведущим наверх, а также и массивность внутренних стен дают основание полагать, что существовал и второй этаж, однако лишь над центральной частью здания; этот вывод подтверждал и характер завалов, заполнявших помещения.

Для устройства возвышенного стилобата здания был применен простой прием: от края террасы глубоким рвом отделен небольшой участок, на

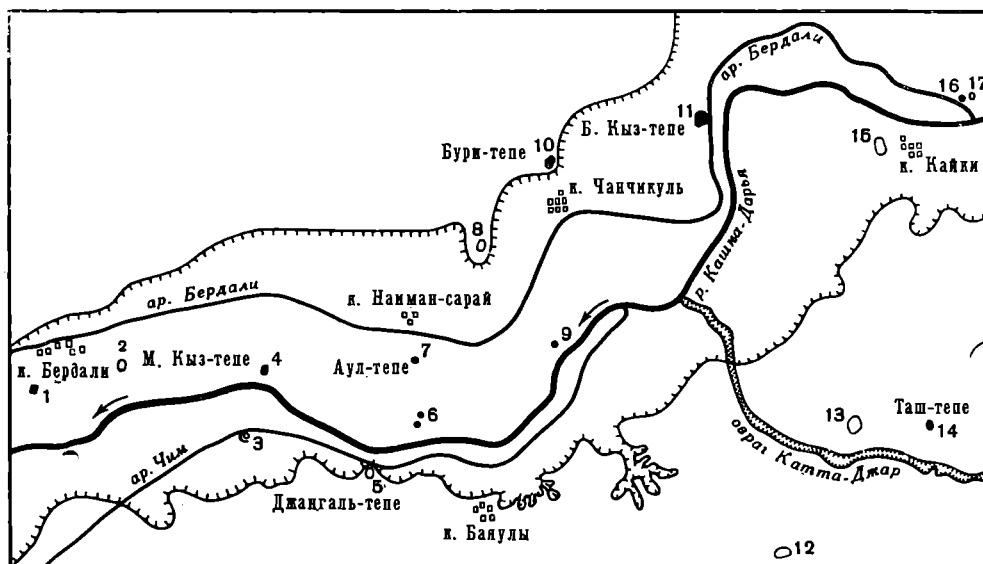

Рис. 1. Археологическая карта зоны орошения канала Бердали и прилегающей местности

1 — Бабаяр-Тепе; 2 — Намаз-Тепе; 3 — Сары-Тепе; 4 — Малое Кыз-Тепе; 5 — Джангаль-Тепе; 6 — Нарай-Тепе; 7 — Аул-Тепе; 8 — Джангаль-баба-Тепе; 9 — Халмат-Тепе; 10 — Бури-Тепе; 11 — Большое Кыз-Тепе; 12 — Калян-Тепе; 13 — Кендакли-Тепе; 14 — Таш-Тепе; 15 — Сары-Тепе

котором и был возведен замок. По другую сторону рва, против входа в здание, выявлены признаки современного ему поселения, возможно, жилищ подвластных владельцу замка людей и хозяйственных помещений.

При раскопках Аул-Тепе найден значительный хозяйственный и бытовой инвентарь. Среди сосудов наиболее характерны кубковидные чаши (рис. 2, 1—2) и кринки со сливом под венчиком (рис. 2, 3—4) (подобные сосуды известны во многих местах Согда); целая курильница с семью витками спиральной ложбинки на стержне (рис. 2, 5), что, надо полагать, имело культовое значение; фрагмент кувшина с родовым знаком ихшидов Согда³, названного У-образным знаком⁴, и с его вариантами⁵. Почти все сосуды изготовлены хорошей гончарной техникой на станке, который применялся также и для изготовления котлов. Из производственного инвентаря найдены пряслица дисковидной и грушевидной форм; пирамидальные подвески для ткацкого станка; ножи и серпы (?); различные изделия из камня — зернотерки, жернова, точила и терки различных видов; кроме того, монеты, позволившие определить время существования здания от 70-х годов V в. до тюркского завоевания (563—567 гг.)⁶.

² С. К. Кабанов. Согдийское здание V в. н. э. в долине р. Кашка-Дарья (Узбекистан). СА, 1958, 3; его же. Археологические данные к этнической истории Южного Согда в III—VI веках. СА, 1963, 1, стр. 222—226.

³ С. К. Кабанов. Согдийское здание V в. ..., стр. 149, рис. 8.

⁴ О. И. Смирнова. Каталог монет с городища Пенджикент. М., 1963, стр. 43, 62, 63.

⁵ С. К. Кабанов. Археологические данные к этнической истории..., стр. 224, рис. 4.

⁶ С. К. Кабанов. Нахшебские монеты V—VI вв. ВДИ, 1961, 1, стр. 137—144.

Планировка памятника необычна для жилого здания. Симметричность в расположении помещений обязывала обитателей сообразовывать свои удобства не с семейным, а скорее с общественным (или служебным) положением. Видно, что здесь сравнительно много людей жило примерно на одинаковых правах: в данной связи обращает внимание наличие восьми небольших и восьми больших помещений, прилегающих к внешним стенам здания. Почти одинаковы размеры жилых помещений в центре, но

Рис. 2. Сосуды из Аул-Тепе

все они были разделены на две равные части стенами уже в ходе использования здания, по-видимому, в связи с увеличением количества проживавших в нем семей.

Здание, раскрытое в долине Зеравшана близ поселения Кафир-Кала, является пока единственным известным памятником, в планировке которого устанавливаются признаки сходства с Аул-Тепе. Г. В. Шишкина, исследовавшая его, считает этот дом загородной усадьбой крупного землевладельца⁷, однако некоторые особенности планировки памятника и устройство в стенах продухов, неизвестных в жилых зданиях, дали архи-

⁷ Г. В. Шишкина. Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом. ИМКУ, 2, Ташкент, 1961, стр. 192—222.

тектору В. А. Нильсену веские основания сделать вывод, что оно не было жилым. Это была дахма — здание, по назначению связанное с погребальными обрядами зороастрийцев⁸. Признаками сходства в планировке этого памятника с Аул-Тепе служат обходные коридоры и симметричное расположение помещений. Разумеется, эти черты сходства не могут быть случайными. Они отражают общие особенности еще мало изученной древней согдийской монументальной архитектуры, и, несомненно, их можно истолковать как признак высокого общественного положения владельца здания, развалинами которого было Аул-Тепе. Надо при этом учитывать идеологические особенности мышления людей в древности: в их представление о власти всегда вкладывался элемент сакральности.

Есть еще один признак, свидетельствующий о высоком положении владельца здания, развалинами которого было Аул-Тепе, это — состав керамического материала: в нем почти не было лепной керамики, тогда как в других соседних поселениях значительная часть посуды лепилась от руки. Кроме того, на некоторых сосудах из комплекса Аул-Тепе были обнаружены, как уже указывалось, знаки, встречавшиеся на согдийских монетах и определенные как родовые знаки согдийских владетелей. Исходя из этих наблюдений мы можем сделать вывод, что владетель изучаемого здания занимал выдающееся место среди жителей сельской округи.

В планировке здания не заметно особого выделения какой-либо его части для владельца с семьей, но не все помещения одинаковы. Видимо, более удобными для жилья были большие помещения внешнего обвода, они более просторны и в них должно было быть больше света⁹. Кроме того, примечательно, что ни одно из помещений внешнего обвода не делилось наглухо перегородками, тогда из шести помещений в центре, как уже указывалось, три делились наглухо, с устройством отдельных дверных проемов. Это наблюдение позволяет сделать вывод, что среди обитателей здания выделялась более привилегированная часть, им предоставлялись более удобные помещения по внешнему обводу. Помещения для самого владельца, надо полагать, были во втором этаже.

Очень существенно, что в жилых помещениях не было признаков очагов для приготовления пищи. Очаг был только в хозяйственном помещении, расположенном почти в центре здания, однако его было явно недостаточно для всех обитателей.

В Пенджикенте в зданиях удалось найти остатки вторых этажей, где размещались хозяйственные помещения (кухни, склады, пекарни¹⁰). Исходя из этого, возможно предположить, что и на втором этаже Аул-Тепе могли быть хозяйственные помещения, вероятнее всего, для привилегированной части жильцов. Это обстоятельство, видимо, не мешало здесь же размещаться владельцу всего здания с семьей. Нужно также учесть, что на втором этаже было не менее семи относительно больших помещений, на что указывает планировка центральной части здания в нижнем этаже. Кроме того, во втором этаже для бытовых надобностей, как обычно на Востоке, могла использоваться плоская крыша одноэтажной части здания.

Выше отмечены признаки глинобитных построек у входа в здание: по-видимому, это были жилища зависимых людей, а также и хозяйственные помещения.

Вывод о выдающейся роли владельца описанного здания в данной местности теперь, с опубликованием большой группы согдийских нумизмати-

⁸ В. А. Нильсен. К вопросу о назначении согдийского здания около Кафир-Кала под Самаркандом. ИМКУ, 6, Ташкент, 1965, стр. 116—123.

⁹ Освещение помещений, расположенных по внешнему обводу, могло быть верхним, через люки в потолке, тогда как в центральные помещения, над которыми был второй этаж, свет мог проникать только через дверные проемы, выводящие в коридор.

¹⁰ А. М. Беленицкий. Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента (1951—1953). МИА, 66, 1958, стр. 120; В. Л. Воронина. Архитектура древнего Пенджикента. Там же, стр. 200.

ческих и письменных источников, можно несколько точнее конкретизировать.

Существовали три ступени в иерархии владетелей Согда в VII—VIII вв.¹¹, предположительно определяемой как уже феодальной. Верхнюю ступень в этой иерархии занимал ихшид — верховный правитель Согда, власть которого, видимо, в значительной мере была номинальной, особенно в V—VI вв. Вторую ступень в иерархии занимал афшин (собственно — «господин») ¹². Владетель этого ранга мог управлять целой округой. Владетели отдельных селений-крепостей относились к третьей ступени иерархии.

Если мы допустили, что владетель здания, развалинами которого было Аул-Тепе, возглавлял социальную иерархию всей рассматриваемой сельской округи, то, проектируя его общественное положение на приведенную иерархию согдийских владетелей более позднего времени, мы можем приравнять его к положению владетеля ранга «афшина». Обнаружение в комплексе Аул-Тепе фрагментов посуды с династийными знаками, в дополнение к другим указанным выше признакам, дает основание предположить, что владетель замка принадлежал к династии верховных владетелей Согда.

Выше отмечалась особенность планировки Аул-Тепе, заключавшаяся в том, что на первом этаже не видно помещений, в которых мог бы располагаться сам владетель с семьей: эти помещения, как уже предполагалось, были во втором этаже над центральной частью здания. Однако теперь есть возможность выяснить, хотя бы предположительно, чем объясняется особенность планировки нижнего этажа здания, расположение и размеры помещений которого позволяли разместить относительно большое количество лиц, по своему общественному (или служебному) положению почти равных. Допустив, что владетель замка являлся правителем всей округи, можно полагать, что помещения нижнего этажа предназначались для придворной челяди, а также и для хранения различного имущества.

Из документов, взятых на горе Муг известен обширный круг придворных служащих, начиная от старшего жреца и кончая палачом ¹³; в число служащих включались также и воины. Конечно, были существенные различия в положении придворных. Они-то и имели значение при распределении помещений. Более сановные лица могли располагаться в больших помещениях по внешнему обводу; некоторые из этих помещений, быть может, были общими для обитателей замка. К таким помещениям относится, например, среднее в западной части здания: вдоль стен этого помещения были устроены суфы (возвышения из глины) для сиденья, в нем было обнаружено большое количество обломков посуды. Это помещение очень напоминает собой по планировке парадные залы огромного жилого комплекса в Пенджикенте ¹⁴. Такого же типа помещение было и в северном фасе здания к западу от входа.

Небольшие помещения внешнего обвода могли предназначаться, например, для воинов или слуг, в них можно было также хранить различное имущество. В северо-восточном центральном помещении были обнаружены зольные ямы, много золы и угля было и над полом. Несомненно, это помещение было мастерской, но характер производства точно установить не удалось: по-видимому, оно было связано с обработкой металлов (здесь найдена керамическая труба, напоминающая сопло от кузнечного меха).

¹¹ О. И. Смирнова. Каталог монет... стр. 30, 31; Согдийские документы с горы Муг. III. Хозяйственные документы. М., 1963, стр. 8, 9.

¹² В. А. Лившиц считает, что термин «афшин» не засвидетельствован в согдийских документах как титул именно согдийского владетеля. «Согдийские документы с горы Муг». II. Юридические документы и письма. М., 1962, стр. 50, 51.

¹³ Согдийские документы с горы Муг, III, стр. 51, 52.

¹⁴ В. Л. Воронина. Архитектура древнего Пенджикента. МИА, 124, 1964, стр. 52 сл.

В целом Аул-Тепе предстало перед нами как развалины замка, являвшегося резиденцией крупного владельца; в здании было предусмотрено размещение необходимых служб, придворных и складов.

Важно рассмотреть развалины других древних поселений, расположенных вдоль канала Бердали. Вблизи головного сооружения канала находились два небольших тепе. На верхней площадке более крупного из них, известного по названию Ирзо-Тепе (рис. 1, 17), были обнаружены остатки глинобитных стен двух небольших помещений, соединенных проемом; толщина стен 60 см. В помещениях найдены лишь фрагменты толстостенных сосудов, позволивших датировать памятник лишь в широких рамках — III—VI вв. Более характерный материал дало второе тепе, расположенное рядом (рис. 1, 16). Оно было очень сильно разрушено прорезавшим его поздним небольшим каналом. Установить какие-либо конструктивные признаки не удалось, за исключением ровного пола, на котором обнаружена прослойка с битой керамикой, среди которой были фрагменты кубковидных чаш и кринок со сливом под венчиком, столь характерных для Аул-Тепе. Высота этого бугорка около 3 м, диаметр у основания около 30 м, что, учитывая его расплывчатость, свидетельствует о совсем небольших размерах существовавшего здесь в V—VI вв. здания¹⁵.

Древние обитатели зданий, развалинами которых были оба тепе, не могли орошать свои земли водами канала Бердали, поскольку они стояли на относительно высоком берегу; быть может, в их задачу входило содержание в исправности его головного сооружения.

Примерно в 2 км западнее находился крупный бугор Большое Кыз-Тепе (рис. 1, 11)¹⁶. Рельеф памятника двухъярусный, с конической вершиной в западной части (высота ее 12 м). На вершине был заложен стратиграфический раскоп, материалы которого дали возможность установить, что поселение здесь существовало с первых веков до нашей эры и до монгольского завоевания. Незначительные остатки здания V—VI вв. были установлены лишь в верхних наслоениях. Здесь была обнаружена стена толщиной 135 см, сложенная комбинированной кладкой с применением сырцового кирпича (размером 41 × 25 × 7—8 см), однотипного кирпичу из Аул-Тепе. В этом же слое найдены кубковидные чаши и кринки со сливом под венчиком. Особо отметим находку глиняного диска диаметром 35 см, на лицевую сторону которого до обжига закругленным острием было нанесено изображение птицы с вытянутой вверх длинной шеей, как у павлина; голова увенчана султаном в виде полукруга с нимбом из мелких насечек (рис. 3). Около края диска сделаны два налепа в виде ушей собаки. Описанный диск, по-видимому, являлся крышкой хума (корчаги), а изображения должны были играть роль оберегов¹⁷ для содержимого (зерно, вода).

В 1,5 км западнее Большого Кыз-Тепе находилось городище, известное под названием Бури-Тепе (рис. 1, 10). В 1956 г. В. Д. Жуков произвел на Бури-Тепе разведочные раскопки, в результате которых выяснилось, что этот памятник также является многослойным. Поселение существовало с первых веков нашей эры и до монгольского завоевания¹⁸. Наслоения V—VI вв. и здесь были обнаружены только на вершине, причем никаких сооружений, которые можно было бы с уверенностью отнести

¹⁵ Раскопки Ирзо-Тепе и разрушенного тепе велись под наблюдением К. М. Аминова.

¹⁶ В зоне Чим-Курганского водохранилища обнаружены два памятника с названием «Кыз-Тепе»; для удобства изложения данный памятник мы называли Большим Кыз-Тепе, в отличие от второго — Малого Кыз-Тепе.

¹⁷ Г. В. Григорьев. К истории народного узора Востока. «Искусство», 1937, 1, стр. 131—134.

¹⁸ В. Д. Жуков. Археологическая разведка на Бури-Тепе в 1956 г. ИАН УзССР, сер. обществ. наук, 1958, 5, стр. 53—58.

к этому времени, здесь не установлено, но несомненно, что и на нем было здание, современное Аул-Тепе, но уступавшее ему размерами.

В 2 км к югу от Бури-Тепе находится возвышающийся над самой рекой бугор Халмат-Тепе (рис. 1, 9). На этом бугре в 1955 г. М. Д. Корзухина заложила небольшой раскоп. Выяснилось, что этот бугор естественного происхождения, только на самой его вершине был обнаружен культурный слой толщиной 30—40 см. Остатки стен не были выявлены.

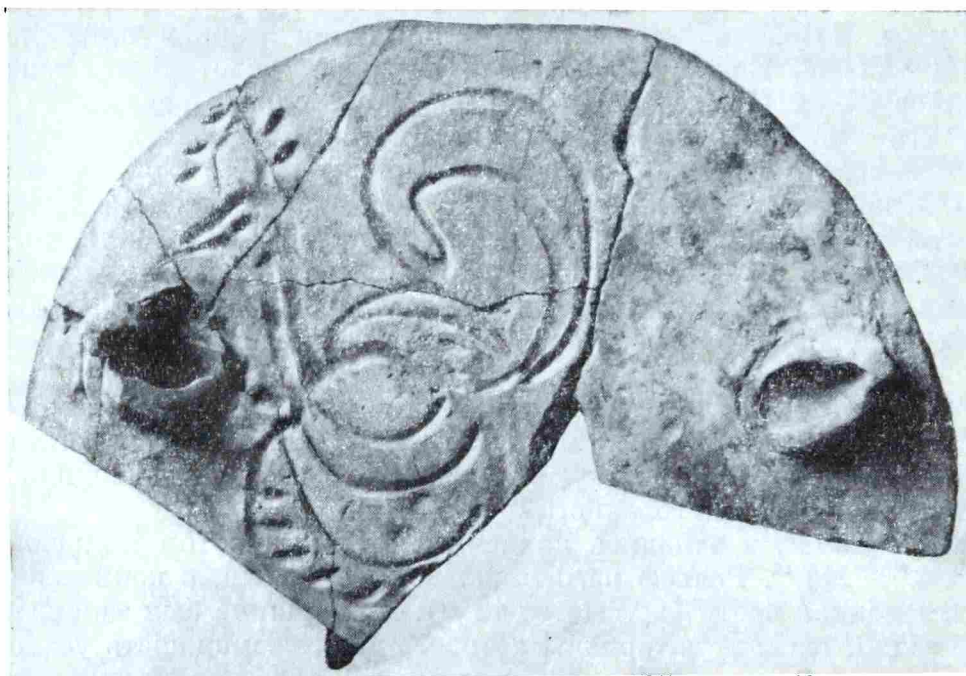

Рис. 3. Глиняный диск с магическими изображениями зороастрийцев

но найдена кубковидная чаша, позволяющая и этот памятник датировать V—VI вв. В. Д. Жуков считает, что бугор использовался лишь пастухами для наблюдений за стадами скота¹⁹, однако значительный культурный слой, на наш взгляд, указывает на более стабильное существование поселения.

К югу от Аул-Тепе, на самом берегу реки, находится Нарай-Тепе; В. Д. Жуков установил, что здесь были разновременные постройки сельского типа²⁰, в целом датируемые первой половиной I тысячелетия; керамические находки свидетельствуют о том, что поселение существовало и в V—VI вв. Обитателей поселения в последний период его существования В. Д. Жуков определял как временных, спорадически использовавших старые постройки. Всестороннее изучение памятника позволяет, однако, сделать вывод, что это поселение все же являлось постоянным.

В 1,5 км к западу от Аул-Тепе находится Малое Кыз-Тепе (рис. 1, 4). В результате раскопок²¹ выяснилось, что поселение в основном относится к III—V вв., но в его верхнем слое найдены типичные для V—VI вв. кубковидные чаши и кринки со сливом под венчиком. Однако даже признаки стен построек в верхних наслоениях с определенностью установлено не было; это последнее обстоятельство может свидетельствовать лишь о том, что постройки последнего периода в жизни поселения были далеко

¹⁹ В. Д. Жуков. Остатки древних поселений на берегу р. Кашка-Дарьи. ИАН УзССР, сер. обществ. наук, 1958, 2, стр. 89.

²⁰ Там же, стр. 86—89.

²¹ С. К. Кабанов. Руины поселения III—V вв. в долине Кашка-Дарьи. ИМКУ, VI, стр. 71—76.

не капитальными: сложенные из глины и находясь на поверхности бугра, они были полностью уничтожены дождями и ветрами.

В пределах кишлака Бердали выявлено еще два древних поселения. На восточной его окраине находится Намаз-Тепе (рис. 1, 2). Это — прямоугольный в плане бугор размером 150×100 м вытянутый с севера на юг. В середине восточной стороны городища расположена вершина, в одном из обнажений которой обнаружен фрагмент стены из сырцового кирпича размером $44 \times 25 \times 8$ см, однотипного аул-тепинскому, чем и устанавливается наличие в памятнике слоя V—VI вв. Памятник несомненно многослойный: в обнажениях и на поверхности найдены фрагменты керамики первых веков и XI—XII вв. Из ранних находок отметим терракотовое изображение головы мужчины европеоидного типа, с широким овалом лица, слегка покатым лбом, тонко очерченными глазами, небольшим лбом и тяжелым подбородком (рис. 4); пышные усы обозначены тонкими валиками. Характерен головной убор в виде повязки с двумя выступами над лбом. От основания выступов на середину лба опущены два стерженька до переносицы, по-видимому, изображающие собой некое металлическое украшение.

Рис. 4. Голова древнего согдийца Терракота

Группа развалин древних поселений, орошавшихся каналом Бердали, с запада, в низовой его части, замыкается довольно крупным памятником, известным под названием Бабаяр-Тепе. Памятник имеет вид прямоугольника размером 200×120 м, вытянутого с севера на юг. Подъемная керамика нехарактерная, встречались фрагменты сосудов с белой поливой. В отличие от Намаз-Тепе, подрытого со всех сторон, памятник в относительно хорошей сохранности; его мощные верхние наслоения, датируемые IX—XII вв. плотно прикрывают собой более древние слои²².

Итак, нами рассмотрены развалины поселений, в древности орошавшихся одним магистральным каналом, проведенным вдоль северного берега реки. Хронологически с этим комплексом поселений связан и один из исследованных памятников южного берега — Таш-Тепе²³, который мы здесь кратко опишем. Его сохранность и степень исследования позволяют в некоторой мере дополнить наши сведения об описанных выше памятниках.

Таш-Тепе представляет собой бугор высотой 7 м, квадратный в плане, с размером верхней площадки 25×25 м (рис. 1, 14). Раскоп был заложен вдоль западной стены поселения, причем выяснилось, что вдоль этой капитальной стены лепится ряд небольших помещений с относительно тонкими стенами; этот ряд продолжается и вдоль северной стены (рис. 5). Установлено, что в середине поселения находился двор, пол которого прикрывали

²² На Намаз-Тепе и Бабаяр-Тепе раскопки не велись, так как они находились вне зоны строительства. Не велись раскопки на Джангаль-баба-Тепе (рис. 1, 8), занятом кладбищем. Все эти памятники многослойные, типа Большого Кыз-Тепе и Бури-Тепе.

²³ В 1955 г. на Таш-Тепе вели раскопки Л. П. Матвеева и М. Д. Корзухина. Материалы этого памятника использованы с их разрешения.

мощные слои из органических остатков. Таким образом, несмотря на то, что поселение раскрыто приблизительно на одну треть его площади, планировка в основных чертах восстанавливается полностью. Есть основания полагать, что двор был обрамлен с севера и востока таким же рядом небольших помещений, как и с западной стороны. Вход был с юга, где склон памятника относительно пологий.

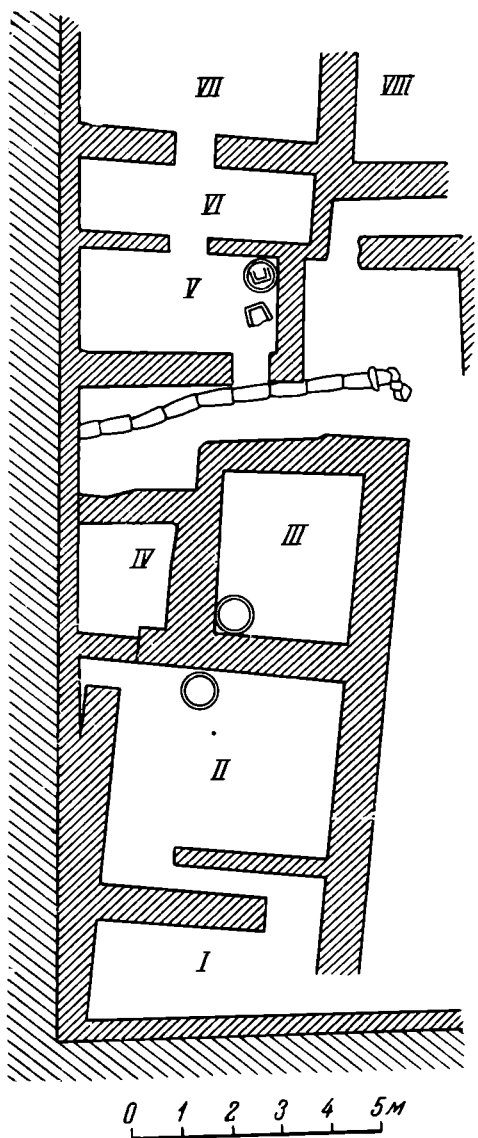

Рис. 5. План помещений Таш-Тепе

Л. П. Матвеева и М. Д. Корзухина на Таш-Тепе выявили наслоения двух строительных периодов, причем верхний слой памятника, соответствовавший последнему периоду жизни поселения, по всем основным признакам (размеры сырцового кирпича, состав керамических изделий, рис. 6) близок к комплексу Аул-Тепе. В дальнейшем нами будут использованы материалы исследования только верхних наслоений памятника, относящихся к V—VI вв.

В отличие от строгой симметричности планировки Аул-Тепе, на Таш-Тепе обнаружены небольшие, беспорядочно расположенные помещения площадью от 4 до 10 м². Все помещения, надо полагать, были перекрыты общей плоской кровлей с водоотводами во двор. Со двора воды отводились за стены здания при помощи водоотвода из крупных глиняных труб. Во дворе размещался скот на ночь, что видно из большого количества навоза, устилавшего пол.

Небольшие размеры поселения, развалинами которого является Таш-Тепе, позволяют определить количество обитателей приблизительно едва ли более чем в 50 человек. Какова же была общественная организация, в условиях которой жил и развивался этот относительно небольшой земледельческий коллектив? Определенную трудность при решении этого вопроса представляет то обстоятельство, что здание не вскрыто полностью, однако в оставшейся неисследованной его части не могло быть

помещений, которые сильно отличались бы размерами и планировкой от вскрытых: для более крупных помещений с усложненной планировкой просто не хватило бы места внутри крепостных стен. Следовательно, можно полагать, что все обитатели здания жили примерно в одинаковых условиях, а это наблюдение дает нам основание прийти к выводу, что здесь обитала семейная община или патриархальная большая семья — общественная форма, возникшая еще в условиях первобытно-общинного строя, существовавшая затем и в древности и в средневековье. Вопросу о большой семье (или семейной общине) в различных исторических условиях посвящена необозримая литература²⁴. Укажем лишь на некоторые факты.

Еще в древнеассирийском обществе, во II тысячелетии до н. э., существовали большие семьи, носившие название семей «неразделенных братьев»²⁵. Много позднее в соседнем Иране — в III—V вв. — большая

²⁴ М. О. Косвен. Семейная община и патронимия. М., 1963.

²⁵ И. М. Дьяконов. Развитие земельных отношений в Ассирии. Л., 1949, стр. 28

семья «занимала центральное положение как основная социальная ячейка общества»²⁶. В Согде в начале VIII в. отмечен факт продажи двумя братьями участка земли братьям из другой семьи, что указывает на существование семейной общины. Обширен круг этнографических источников, свидетельствующих о том, что семейные общины существовали в Средней Азии до XX в.²⁷

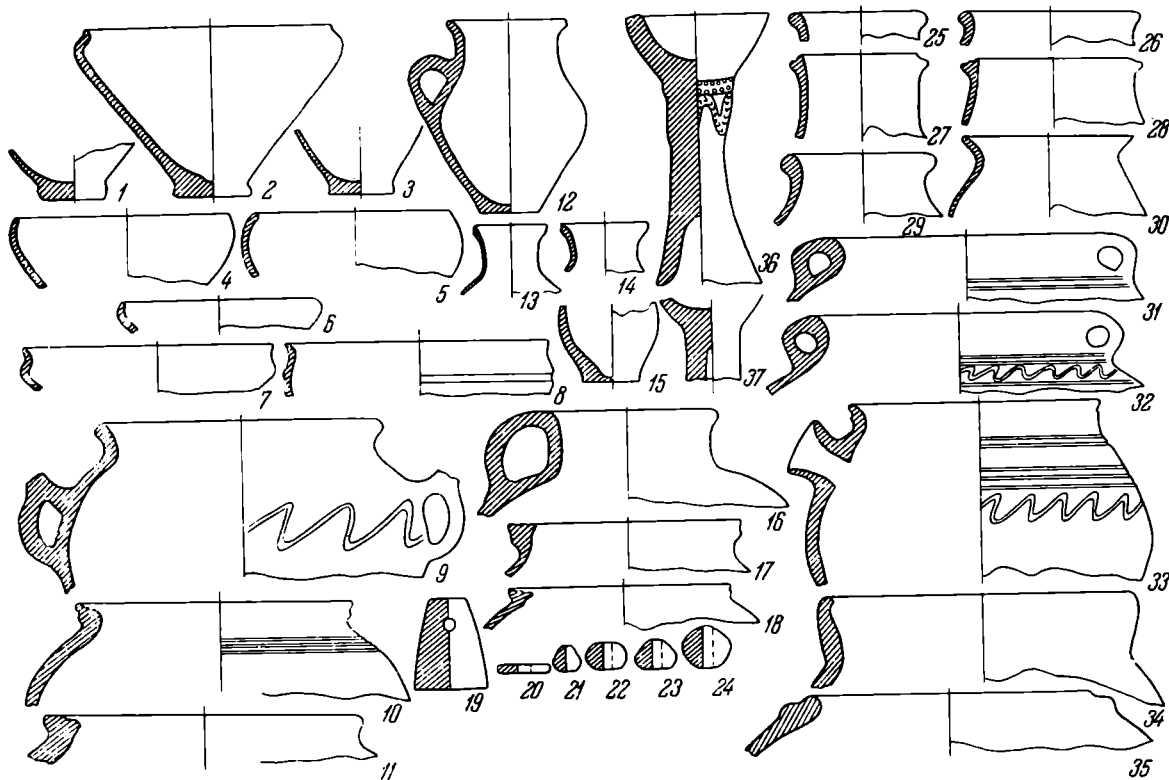

Рис. 6. Керамика верхнего слоя Таш-Тепе

Семейная община существовала повсеместно накануне образования классовых обществ; в силу конкретно-исторических условий развития она часто сохранялась и в классовых обществах в качестве уклада²⁸. Особая устойчивость общины в странах Востока объясняется, видимо, еще и необходимостью применения коллективных форм труда в земледелии в условиях искусственного орошения.

Условия существования древних обитателей Таш-Тепе, насколько они выявлены, показывают, что у них могло быть лишь общее хозяйство; общим было также и потребление. Среди членов семейной общины могли быть и подневольные работники — рабы.

Таш-Тепе по типу поселения близко к замку № 19 Беркут-Калинского оазиса в Хорезме. Хотя особенности планировки внутреннего пространства замка № 19 несколько иные (в нем намечаются отдельные небольшие группы помещений), тем не менее эти помещения по размерам и характеру расположения, грубо сложенным стенам с несомненностью свидетельствуют о сходстве бытового уклада древних обитателей обоих поселений.

²⁶ Н. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье. М.—Л., 1956, стр. 181.

²⁷ А. Н. Кандауров. Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев. Тр. ИЭ, III, 1, М.—Л., 1940, стр. 40—52; Н. А. Кисляков. Патриархально-феодальные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX — начале XX века. М.—Л., 1962, стр. 153—155.

²⁸ Н. Б. Тер-Акопян. Развитие взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на азиатский способ производства и земледельческую общину. «Народы Азии и Африки», 1965, 3, стр. 84—85.

Предполагается, что замок № 19 был жилищем крестьянской большой семьи²⁹.

Итак, нами установлены основные условия существования древних обитателей Таш-Тепе, как их можно реконструировать на основе археологических данных и этнографических параллелей. Однако обитатели поселений, развалинами которых были Большое Кыз-Тепе и Бури-Тепе, в V—VI вв. жили почти в одинаковых условиях с таш-тепинскими: они приблизительно были одинаковой величины (наслоения V—VI вв. обнаружены лишь на вершинах бугров) и построены с использованием древних развалин в качестве стилобатов. В основе их общественной организации, как можно предполагать, также были большие семьи, но, конечно, могло быть различие в числе подневольных работников; этим числом, видимо, и определялось различие в положении каждого отдельного владельца (или главы семейной общины), социальная категория которых историческими источниками определялась словом «кетхуда». Бируни пишет, что мифический царь Феридун «назначил людей правителями своих домов, своих семейств и потомков и дал им название кетхуда, что значит: господин этого дома»³⁰. В понятие кет(кед) «кроме собственного жилища главы дома, входили жилища его отделенных сыновей и других родственников, хозяйственные постройки и т. п., причем все эти постройки находились внутри одной общей ограды»³¹.

До недавнего времени слово кет(кед) в форме «кат» сохранялось в живой речи ягнобцев, причем оно означало одновременно «хозяйство» и «дом», тогда как у жителей равнинной части долины р. Зеравшан эти понятия обозначались уже различными словами³². В топонимике долины р. Кашка-Дарья и теперь сохранились названия «Кят», «Наукад» («Новый кят»), но так называются уже целые кишлаки.

А. И. Васильев на основе изучения согдийских, арабских и персидских источников в составе кедов различает три социальные категории: 1) «домочадцы» — ближайшие родственники домовладыки; 2) «сыновья», «зависимые», под которыми понимались дружинники; 3) рабы, слуги-воины³³. При сопоставлении этих данных с материалами археологического изучения Аул-Тепе и Таш-Тепе следует вывод, что, по-видимому, обитатели не всех поселений делились на три названные категории; иначе сказать, сообщения письменных источников могли относиться не только к кедам, но и к поселениям других типов. Например, среди жителей поселения, развалинами которого было Аул-Тепе, могли быть все три отмеченные письменными источниками социальные категории, хотя этот памятник нельзя определить как здание, в котором обитала семейная община, но среди обитателей Таш-Тепе могло и не быть дружинников-воинов, хотя оно является развалинами кеда.

Определение развалин рассматриваемых нами укрепленных поселений как остатков жилищ патриархальных общин-кедов уже давно высказано в научной литературе³⁴. Рассмотрение этого вопроса на материалах исследований в долине р. Кашка-Дарья в некоторой мере, как можно полагать, конкретизируют сведения об этой важной стороне общественных отношений в древности. Не исключено, что при стационарных работах на таких

²⁹ Е. Е. Неразик. Раскопки в Беркут-Калинском оазисе в 1953—1956 гг. МХЭ, 1, М., 1959, стр. 113—117.

³⁰ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения, I, М., 1963, стр. 273. Слово «кетхуда» — персидское, в согдийском ему соответствует другое, одного с ним корня (см. «Согдийские документы с горы Муг», III, стр. 95). В дальнейшем это название мы будем передавать словом «домовладыка».

³¹ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Сочинения, II, ч. 1, М., 1963, стр. 209.

³² А. Н. Кандауров. Ук. соч., стр. 33.

³³ А. И. Васильев. Согдийцы и их вооружение. Тезисы диссертации на степень канд. истор. наук. Л., 1936, стр. 6.

³⁴ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 150, 151.

памятниках, как Большое Кыз-Тепе и Бури-Тепе, возможно выявить признаки разложения большой семейной общины и выделения землевладельческой аристократии — дехкан более поздних исторических источников. Впрочем надо отметить, что условия изучения слоев V—VI вв. на наших развалинах не были благоприятными, потому что и после этого времени они в течение ряда веков были заселены.

Среди рассмотренных выше памятников зоны орошения канала Бердали выделяется группа самых небольших, остатки сооружений на которых или очень незначительны, или вовсе не сохранились. К ним относится разрушенное тепе у головного сооружения канала Бердали, Халмат-Тепе, Нарай-Тепе и верхний слой Малого Кыз-Тепе.

Жилые постройки V—VI вв. в Средней Азии уже широко известны. Обычно они воздвигались на естественных или искусственных стилобатах и были укреплены. Это соответствовало условиям существования земледельческих обществ в ту бурную эпоху, когда организованная вооруженная сила даже в составе нескольких десятков человек представляла собой грозную опасность для групп поселений, расположенных вдоль отдельных каналов, подобных рассмотренным выше. Перечисленные небольшие памятники, за исключением разрушенного тепе, также были расположены на искусственных возвышениях, что позволило их обитателям вести наблюдения над окрестностями. Но они не были укреплены. Разрушенное тепе было почти без стилобата, но рядом находилось гораздо более высокое Ирзо-Тепе, с которого возможно было вести наблюдение. Наличие неукрепленных поселений свидетельствует о том, что существовала категория земледельцев настолько бедных, что они не в силах были соорудить укрепления. Необходимые запасы пищи (зерно) они могли хранить закопанными в землю в глиняных хумах, что часто встречается.

Неукрепленные поселения представляли собой глинобитные или каркасные хижины очень небольших размеров, поэтому, естественно, стены их или вовсе не сохранились, или, как на Нарай-Тепе, сохранились лишь очень фрагментарно. Небольшие размеры хижин в какой-то мере определяли и количество их обитателей: в них могли жить лишь небольшие семьи. Попытаемся определить социальную природу обитателей неукрепленных поселений, несомненно относившихся к эксплуатируемым «низам» общества, сопоставив факт существования таких поселений с данными письменных источников.

В одном из документов различаются четыре категории зависимых людей³⁵. В. А. Лившиц и Б. А. Литвинский дают развернутую интерпретацию этой зависимости, три категории которой возможно определить как различные формы рабства³⁶. Обращает внимание сама относительная многочисленность форм рабства. Возможно предположить, что среди трех категорий зависимых людей могли быть такие, которые выделались из хозяйства их владельца, не проживали в доме господина и вели свое небольшое хозяйство в какой-то мере самостоятельно. В Иране в более раннее время была известна категория рабов, освобожденных частично. Они, по-видимому, возделывали выделенные им участки в составе крупных рабовладельческих хозяйств³⁷. Однако в V—VI вв. рабов уже переводили на парцеллы, что является признаком перехода к феодальному строю³⁸. В Восточном Туркестане во II—IV вв. в распоряжении рабов были уже участки земли даже на правах владения³⁹.

³⁵ Согдийские документы с горы Муг, II, стр. 24, 34—37.

³⁶ История таджикского народа, I, М., 1963, стр. 471—477.

³⁷ А. Г. Периханян. К вопросу о рабовладении и землевладении в Иране парфянского времени. ВДИ, 1952, 4, стр. 17, 18.

³⁸ Н. Пигулевская. Ук. соч., стр. 193.

³⁹ Ratna Chandra Agrawala. Position of Slaves and Serfs as depicted in the Kharostī Documents from Chinese Turkestan. «The Indian Historical Quarterly», XXIX, 2, 1953, стр. 106.

Из приведенных данных видно, что формы эксплуатации рабов или приближающихся к ним по социальному положению земледельцев были очень разнообразными. Можно еще предположить, что обитателям рассматриваемых неукрепленных поселений поручались отдельные виды работ, таких, например, как уход за скотом, садоводство, рыболовство, но и в этих случаях факт отделения непосредственных производителей от общего хозяйства кеда или других типов хозяйств — налицо; такой работник в условиях преимущественно натурального хозяйства, конечно, должен был бы иметь и обрабатываемый им самим участок земли.

Таким образом, факт ведения обитателями неукрепленных поселений своих хозяйств в какой-то мере самостоятельно не вызывает сомнений. Нельзя при этом не отметить, что три поселения рассматриваемого типа были расположены на расстоянии 1—1,5 км от Аул-Тепе — резиденции правителя всей округи, четвертое находилось в голове канала и может быть определено как жилище надсмотрщика за головным сооружением. Эти наблюдения дают основание предположить, что обитатели неукрепленных поселений непосредственно зависели от главы всей округи; по-видимому, это были «кедивары» более поздних исторических источников. Знаменательно, что термин «кедивар» как обозначение определенной категории земледельцев, владевших или распорядившихся усадьбами, существовал до XIV — XV вв., хотя социальное его содержание, надо полагать, сильно изменилось⁴⁰.

Итак, нами рассмотрен ряд памятников, которые почти все расположены на землях, орошавшихся одним каналом. Взаимосвязь или взаимозависимость обитателей этих поселений несомненна, однако при взгляде на план расположения памятников (рис. 1) прежде всего обращают на себя внимание относительно большие разделяющие их расстояния. Можно предположить, что не все развалины древних поселений сохранились, но исчезнувших без следа вряд ли было много. Из изложенного видно, что даже неукрепленные поселения строились на заметных местах; что касается укрепленных, то их развалины, надо полагать, все сохранились. Тем самым устанавливается, что жители местности, в которой и позднее не велось интенсивного земледелия, не могли испытывать недостатка в поливных землях или в землях, которые без чрезмерных затрат труда можно было бы превратить в поливные, не говоря уже о богарных. Окружающую степь вполне можно было использовать под посевы зерновых, а также для пастбищ. Факт относительно слабой заселенности местности имеет важное значение для выяснения вопроса о характере землевладения, с которым связан и вопрос о форме эксплуатации трудового населения.

Ф. Энгельс, рассматривая вопрос о происхождении земельной собственности у древних германцев, отмечает: «При редком населении всегда оставалось достаточно свободных пустошей, что делало излишними всякие споры из-за обладания землей. Только спустя столетия, когда число членов домашних общин так возросло, что при тогдашних условиях производства становилось уже невозможным ведение общего хозяйства, эти общины распались...»⁴¹. Таким образом, вопрос о собственности на землю на ранних этапах развития земледелия у древних германцев не был острым; речь могла идти лишь о владении обрабатываемой землей.

Сходные условия при обилии земель складывались и у горных таджиков, но в других исторических условиях — уже в начале XX в. В горной долине Вандж «феодалы не были заинтересованы в концентрации в своих руках на правах частной собственности земельных площадей,

⁴⁰ О. Д. Чехович. К истории крестьян Бухары XIV в. ИАН УзССР, сер. обществ. наук, 1959, 1, стр. 73, 74; там же литература вопроса.

⁴¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, М., 1961, стр. 140.

и эксплуатация направлялась по линии «танхо» — владения крепостными хозяйствами, которые отдавали свой прибавочный труд в виде готовых продуктов, полученных в процессе труда на своем клочке земли»⁴². Характерно, что эти крепостные хозяйства велись большими семьями⁴³.

Номинальным собственником всех обширных земель в зоне орошения долины р. Кашка-Дарьи, поливных и неполивных, а также и степей в рассматриваемое время было эфталитское государство, в составе которого тогда были владения согдийской аристократии; в таких условиях, надо полагать, вопрос о земельной собственности для каждой отдельной общины или местного владельца по существу не возникал. Но если государство было верховным собственником земли, то в этом случае «...не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей»⁴⁴.

Обилие земель при относительной неразвитости меновых отношений не способствовало закреплению их за семейными общинами или за отдельными владельцами на правах частной собственности. Земля была лишь во владении⁴⁵, размеры же владений определялись, естественно, трудовыми ресурсами каждой общины или правителя округа.

Нами приведены данные, которые позволяют прийти к выводу, что владелец здания, развалинами которого являлось Аул-Тепе, принадлежал к высшей согдийской знати, даже к правящей династии. Следовательно, это здание нельзя отнести к типу кеда — жилища семейной общины. Обитатели этого здания не составляли одной семьи, хотя бы большой, они жили в условиях более сложной общественной организации. Семья владельца могла быть многочисленной по количеству ее членов, но она не могла быть «семьей неразделенных братьев». При дворе жил обширный круг лиц, занятых в управлении и в войсковой дружине. Несомненно, при дворе было и хозяйство, как это можно видеть из документов, найденных на горе Муг, уже использованных для характеристики подобного хозяйства⁴⁶, хотя и значительно более позднего и несомненно более крупного. К сожалению, эти документы прямо не говорят об организации производства в этом хозяйстве, а следовательно, и о формах эксплуатации непосредственных производителей. В научной литературе высказано предположение, что земли дробились на участки и отдавались в аренду издольщикам⁴⁷, однако при этом в качестве предпосылки принималось малоземелье, в условиях которого легко было найти издольщиков⁴⁸.

В условиях орошения зоны канала Бердали не могло быть малоземелья, скорее всего могло не хватать рабочей силы. Конечно, нет оснований полагать, что здесь существовала латифундия — для этого слишком недостаточно были развиты меновые отношения; но, несомненно, были относительно большие участки земли, обрабатывавшиеся, по-видимому, зависимыми людьми, жившими при замке, а также и привлекаемыми работниками из подвластных кедов.

В семейных общинах не было большого различия между рядовыми общинниками и лицами, находившимися в рабской или долговой зависимости; может быть, зависимым людям работа выпала потяжелее да пи-

⁴² Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахно-боло. М.—Л., 1936, стр. 98.

⁴³ Там же, стр. 56.

⁴⁴ К. Маркс. Капитал. III. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, М., 1962, стр. 354.

⁴⁵ М. В. Калганов. Собственность. Докапиталистические формации. М., 1962, стр. 3—9.

⁴⁶ Б. Я. Ставиский. Дворцовое хозяйство Пенджикентского владельца. «Советское Востоковедение», 1957, 1, стр. 90—94.

⁴⁷ А. Ю. Якубовский. Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века (VI—XV вв.). КСИИМК, XXVIII, 1949, стр. 32.

⁴⁸ Там же, стр. 34.

ща была похуже. Поскольку успех хозяйства определялся в первую очередь трудовыми ресурсами все члены общины должны были принимать участие в производительном труде, включая и домовладыку, выполнявшего роль распорядителя.

В результате археологических работ, проведенных в зоне орошения канала Бердали, получен материал, на наш взгляд достаточный для раскрытия общественных отношений. Выявляются элементы рабства и крепостничества, что вполне свойственно для рассматриваемого переходного периода. Вместе с тем, очень ощутимы и признаки еще доклассовых отношений, выражающиеся в существовании большой семейной общины; видимо, эти отношения в данной местности были особенно сильны в связи с удаленностью от крупных оазисов орошаемого земледелия.